

М.С. Дроздов

«НЕМЕЦ» В ЦЕРКОВНОЙ ОГРАДЕ ИЛИ ТАЙНЫЙ РОДСТВЕННИК ПУШКИНЫХ

7 сентября 2012 года мы отмечали 200-летие Бородинского сражения, а на следующий день исполнилось 200 лет со дня рождения Н.Н. Пушкиной, в девичестве Гончаровой. С Гончаровыми связано немало мест в Московской области и в соседней Калужской. У этого богатого рода были владения и в Богородском уезде Московской губернии (ныне на территории Щелковского района). Но даже из пушкиноведов мало кто знает, да скорее всего, и никто, что в селе Стромьнь на севере Ногинского района, километрах в пяти от Владимирской уже области, захоронен дядя Натальи Николаевны, «незаконный», но дядя...

В церковной ограде церкви Успения Богородицы с южной стороны от алтаря стоит надгробный господский памятник – «колонна, перебитая кубом», такой неявный, но все-таки крест. На одной грани куба с некоторым трудом читается текст, из которого следует, что здесь похоронен Август Иванович Мюнтель, который родился в августе 1788 года, а умер в марте 1849 года 60-ти лет... Впервые увидел я памятник еще в 1980-е годы и удивился тогда только одному: в такой русской-прерусской Стромьне похоронен явно немец, хоть и Иваныч. Никто из местных, и даже великий краевед Петр Петрович Копышев, ничего сказать об этом «немце» не смогли. И только уже под конец 1990-х случайно узнал я, что Мюнтель – из семьи Гончаровых, ставших свойственниками Пушкина. Это было чрезвычайно, интересно, ведь Гончаровы имели владения сравнительно недалеко от этих мест. И вот в брошюре Г.В. Ровенского, посвященной роду Гончаровых, нахожу подтверждение: Август Мюнтель – незаконный (неофициальный) сын Афанасия Николаевича Гончарова – брат, получается, Николая Афанасьевича и дядька Натальи Николаевны Пушкиной. Вот так и памятник стромьинский!

Книга, на которую ссылался Ровенский, попала мне значительно позже, о чем я сильно пожалел. Называется она «Вокруг Пушкина», а авторы ее, И.М. Ободовская и М.А.

Дементьев, взялись в свое время за изучение архива Гончаровых в РГАДА и нашли там много интересного – и о Пушкине, и о других. Но тут, я чувствую, надо хотя бы кратко описать историю семьи Гончаровых, оказавшихся с нашей землей так причудливо связанными. Тем более, что самое известное их, «титовое» имение – Полотняный Завод – довольно от нас далек.

Основатель рода Афанасий Абрамович (или Авраамович, 1699 (или 1704) – 1784) был посадским человеком в Калуге, занялся за компанию фабричным (полотно и бумага) делом и преуспел в нем, получил дворянство, прикупил деревень, земли, в том числе и в будущем Богородском уезде. Так у Гончаровых в разных губерниях (Калужской, Московской, Рязанской, по крайней мере) оказалось множество деревень, пашен и лесов, фабрик и домов. В Богородском крае в свое время им принадлежали Каблуково и Литвиново.

Каблуково – село древнее. До Гончаровых им владел дворянский род Дашковых. В 1746 г. сестра Ивана Алексеевича Дашкова – Ирина Алексеевна – продала его владельцу калужского полотняного завода, коллежскому асессору Афанасию Абрамовичу Гончарову – прапрадеду Натальи Николаевны Гончаровой-Пушкиной-Ланской. Когда тот решил заранее побеспокоиться о разделе наследства между сыновьями, Каблуково отошло к сыну Николаю. Вероятно, Николай Афанасьевич и решил вместе с отцом построить новую Спасскую церковь в селе Клобукове (как оно в старину называлось). Храм во имя Спаса Нерукотворного образа на полотне особо почитался фабрикантами-полотнянщиками, да и всеми текстильщиками, и самими ткачами. Вероятно, и у Гончаровых было особое отношение к Спасским церквям, которые они поставили и у себя в Полотняном Заводе и еще в одном из своих имений. Такой храм был построен и здесь, освящен в 1786 г., через два года после смерти перволадельца из Гончаровых. Ему в память, как и храм-колокольня в Москве, в Серебряниках.

Секунд-майор Николай Афанасьевич Гончаров скончался в 1785 г., и его наследниками стали вдова Екатерина Андреевна и единственный сын – 25-летний капитан Тульского пехотного полка Афанасий Николаевич. Каблуково осталось за вдовой, но вдовой она пробыла

недолго и вышла замуж – опять-таки за майора – И.В. Новосильцева. Прожив жизнь достаточно долгую, она крестила и внука Николая Афанасьевича, и правнуков Дмитрия и Наталью (будущую Пушкину), упокоилась в 1816 г., и только тогда, похоже, владельцем Каблуково и Литвинова стал дедушка («дединька») Наташи Афанасий Николаевич (1760-1832). Ему в это время было 56 лет, он часто болел, дела на фабриках шли не лучшим образом, за всеми владениями уследить было трудно, и Гончаров сдавал их в аренду. Бывал или не бывал он в Каблуково, обходился управляющим или нет – мы не знаем, но в мае 1823-го он пишет «Преосвященному архиепископу Дмитровскому и священно Архимандриту Афанасию Богородской округи Радонежской десятины села Клобукова от помещика надворного советника и кавалера Афанасия Николаева сына Гончарова Всепокорнейшее прошение». Он просит разрешения перестроить и подновить за свой счет сельскую церковь и получает на это добро. Все это, видимо, было сделано. И память не только о прапрадеде, прадеде, но и о деде Натальи Пушкиной живет до сих пор в клобуковском храме.

После московского пожара 1812 года Афанасий Николаевич жил, в основном, на Полотняном Заводе. А сын его Николай Афанасьевич, а потом и дети с женой, в Москве на Большой Никитской. И, наверное, сюда, на Большую Никитскую (это где сейчас посольство Испании), из Каблуково время от времени что-нибудь да слали: может, муки (там мельница своя), может, и грибов с ягодами... Но эта помощь шла семье почти безумного уже Николая Афанасьевича только до 1828 года, когда Гончаровы распродали, отдав постепенно за долги свою «империю», и Каблуково перешло к Дорошевичам...

А теперь следует вернуться к биографии Афанасия Николаевича Гончарова, дедушки Н.Н. Пушкиной, который своей разгульной жизнью и привел род Гончаровых к разорению. В 1786 г. он был уволен с воинской службы с чином секунд-майора, до 1789 г. был на «статской службе», помощником смотрителя в Вышневолоцкой конторе водяных коммуникаций. В это время за ним числится 4788 душ и около 10 тысяч десятин земли. В середине 1780-х он женился. В 1808-1812 гг. находится на лечении в Австро-Венгрии. В Полотняный Завод А.Н.

Гончаров возвратился ко времени сражения под Малоярославцем. В его имени стоял штаб Кутузова и жил какое-то время сам полководец.

Во время промышленного кризиса 1820-х гг. и по бесшабашному характеру, неводержанности и темпераменту своему наш богач сильно задолжал, оставив наследникам 1,5 млн долгов. И хотя на Всероссийской выставке 1832 г. Афанасий Николаевич получил серебряную медаль за качественную писчую бумагу (бумагой его фабрики пользовался и Пушкин), гончаровское хозяйство он почти развалил. Любил охоты, пиры, балы. На балах, да и не только, волочился за каждой юбкой. Его жена Надежда Платоновна (урожденная Мусина-Пушкина) (1765-1835) довольно быстро от него отделилась, а затем с ним «разъехалась».

Единственным официальным сыном Афанасия Николаевича (и Надежды Платоновны) был Николай, родившийся в октябре 1787 г. Обитали, видимо, в это время супруги в Москве. Главе семьи 27 лет, жене 22 года, и она, как выясняется, не единственная у него женщина. В то же время сожительствовал он и с некой фрау, немкой, как говорят, – с гувернанткой. А может, и не немкой, а выданной для порядка (как и делалось) замуж за немца, некого Мюнтеля. Этого мы не знаем, но знаем другое: вскоре вслед за законным сыном появился на свет Божий сын «незаконный» – «дитя природы», как говорят французы, – Август Мюнтель. Было это в августе следующего 1788-го. Скорее всего, дал Афанасий Николаевич и этому сыну, Августу, хорошее образование (Николай окончил университет). А когда разъехался окончательно с женой, то Мюнтеля, видно, держал при себе, так он потом и остался с внуком Дмитрием, которому досталось все гончаровское дело, но дело уже разваливающееся, упадок которого не смог полностью остановить экономически подкованный Август...

Но вернемся к источнику, с которого начали. В книге «Вокруг Пушкина» мы, наконец, находим некоторые подробности о Мюнтеле. Речь идет о переписке детей Николая Афанасьевича Гончарова, а их шестеро: Дмитрий (1808-1859), Екатерина (1809-1843), Иван (1810-1881), Александра (1811-1891), Наталья (1812-1863), Сергей (1815-1865). Напомним, что

авторы ее не знали (как нам теперь известно), ни о месте упокоения Мюнтеля, ни о годах его жизни. Поначалу они не знали даже и о том, кто такой Мюнтель...

«В письмах всех Гончаровых, – пишут авторы, – часто упоминается некий Август Иванович Мюнтель. Это человек, несомненно, близко стоящий к семье, однако отношение к нему двойственное: если сестры постоянно подшучивают над ним, то братья, Наталья Ивановна и Николай Афанасьевич относятся к нему очень внимательно, по крайней мере, в письмах, которые он может прочитать. Братья и сестры много ему пишут. Августу Ивановичу дарят дорогую верховую лошадь. Он, судя по письмам сестер, ездит на охоту на их лошадях. Наталья Ивановна в письмах к Дмитрию Николаевичу постоянно просит передать привет Августу Ивановичу. 6 июля 1834 г. она пишет: “Привет Августу Ивановичу, доволен ли ты своим бухгалтером?”».

Но для простого бухгалтера внимание, оказываемое Гончаровыми Мюнтелю, слишком велико. И вот недавно нами было обнаружено письмо, проливающее свет на эту загадочную личность. В одном из писем Ивана Николаевича из Царского Села к старшему брату мы читаем:

«...До сих пор у меня нет его (Сергея Николаевича – *М.Д.*) адреса и я не знаю, как переслать ему письмо Ав. Ив. Позволив себе распечатать послание, чтобы узнать московские новости, так как у этого господина всегда имеется куча новостей, я там, между прочим, узнал, что знаменитый отпрыск с госпожой своей матерью обосновался в имении Ильицино» (одно из поместий Гончаровых в Зарайском уезде Рязанской губернии – *М.Д.*).

На основании этого письма можно было предположить, что Август Иванович Мюнтель был незаконным сыном Афанасия Николаевича, вероятно, от гувернантки-немки. Это предположение полностью подтвердилось. В Музее А.С. Пушкина в Москве имеется копия с портрета неизвестного лица. На обороте этого небольшого акварельного портрета надпись: «Дедушки Дмитрия Николаевича дядька немец Август Иванович». На нем изображен щегольски одетый молодой человек, очень похожий на Афанасия Николаевича. Но кто он

такой, до сих пор не было известно. Обнаруженные нами письма Гончаровых помогли атрибутировать портрет».

Портрет Мюнтеля имеется в оригинале книги Ободовской и Дементьева. Дядька-то оказался дядей, а если немцем, то наполовину, на самом деле – православным человеком, у православной церкви и покой нашедшим...

Авторы этой книги, не зная возраста Августа Ивановича, делают неверный вывод: «Очевидно, Август Иванович воспитывался вместе с братьями и сестрами Гончаровыми (отсюда их хорошее знание немецкого языка). Становится понятным и его положение в семье: не будучи юридически признанным сыном А.Н. Гончарова, он, по-видимому, своим отцом был поставлен в такие условия, что семья вынуждена была считаться с его фактическим родством. И не случайно в одном из писем Александра Николаевна иронически прибавляет дворянскую частицу «von» к его фамилии. Но если старшие члены семьи ведут себя по отношению к Августу Ивановичу сдержанно и любезно, то этого нельзя сказать о младших сестрах. Они постоянно над ним смеются. Наталья Николаевна его, несомненно, не любит, называет мерзким, пошлым дураком и охотно принимает участие “по старой привычке Августа дурачит” в шутках своих сестер».

Конечно, Август Иванович, будучи на 20 лет старше старшего из сестер и братьев Гончаровых, не мог воспитываться вместе с ними, а вот посядействовать им в немецком – мог. Относительно шуток и тона Натальи по отношению к Августу Ивановичу, кажется, авторы не совсем правы. Совершенно точно – сестры и братья относились к незаконному дяде не вполне серьезно, что, возможно, определялось характером самого Августа Ивановича. Ну а шутка Натальи Пушкиной 12-го ноября 1834 года, на первый раз кажущаяся грубой, при внимательном рассмотрении оказывается довольно добродушной.

«Куму моему Сергею Гавриловичу мой поклон, а Августу, дураку, пошлому, несносному, мерзкому, вместо поцелуя откуси нос. Катинька же всем кланяется, кроме Августа. Сашинька напишет Августу письмецо уведомить о скорой кончине, только вы не смейтесь и ничего ему

о том вперед не говорите. Он придет к тебе сообщить эту новость по секрету, потому что Саша нарочно запретит ему показывать письмо, чтобы тебя не волновать. Он его получит с той же почтой, что и ты получишь мое, поэтому непременно постарайся, чтобы он тебе показал свое письмо, это разгонит немного твою скуку, ты по крайней мере посмеешься. Старая привычка Августа дурачить. Пожалуйста, скажи Августу, когда ты получишь это письмо: “Как странно, все сестры мне пишут, а от Сашиньки ни слова, не случилось ли с ней чего-нибудь?” Тебе же она просит передать, что она предполагает написать тебе с первой почтой и что она больна только для Августа. Прощай, дорогой Дмитрий, будь здоров, не забывай нас и женись как можно скорее...»

Вполне возможно, что Август подшутил над Натальей и сестрами как-то не очень ловко. Выражения ее, безусловно, говорят о близких отношениях с ругаемым, с которым обычно они целуются, а тут вот А тут они разыгрывают Августа, добродушного, похоже, может – и не очень далекого, или просто простодушного. Кстати, сестры Гончаровы пишут ему письма, и он пишет им тоже...

18 апреля 1835 г. Александра в письме Дмитрию сообщает: «Мы после твоего отъезда получили два письма от Августа на твое имя, но, прочитав их, решили, посоветовавшись, что они маловажные и что помимо того ты найдешь другие экземпляры в Москве и в других местах, и они были уничтожены. Однако как женщины, а следовательно, сплетницы, мы там нашли довольно интересные анекдоты, поэтому дозволено мне от всего нашего общества просить господина Августа фон Мюнтеля продолжать присылать иногда свои повествования. Поэтому я напишу ему пару слов насчет этого, он будет счастлив; только пусть он не думает, что ему будут отвечать аккуратно, нет. Мы хотим основать нечто вроде иностранного журнала, и вот он будет редактором, скажи ему об этом...».

Интересные сведения? Весьма! Мюнтель не просто хорошо осведомленный (часто бывает в Москве или даже живет там) и грамотный человек, а еще неплохо и излагает, пишет, может быть даже редактором в некоем семейном журнале-альманахе Гончаровых. Он не

сильно обидчивый (в силу специфичности своего положения в семье), но одновременно и обладает известным самолюбием и, может быть, даже какой-то гордостью. Его стараются не задевать, когда он может сам что-то прочесть (а это значит, что ему в какой-то степени доступны или известны приходящие письма членов семьи, что он тоже член семьи), но дружески разыгрывают и подшучивают ребячески над ним.

И он состоял при Дмитрие Николаевиче вроде как бухгалтером. Это можно сейчас расценивать за некую иронию, но дело в том, что тогда слово бухгалтер было редким. Бухгалтер, а не приказчик-счетовод в лавке или амбаре купца, было явлением нечастым. Скорее всего, фактически был он не просто бухгалтером, а в какой-то мере, смеем предположить уже по положению его, коммерческим директором семейной фирмы Гончаровых – большого, сложного и сильно запущенного дедом хозяйства...

По-видимому, личные свойства Августа Ивановича дополняли и исправляли многое в «генеральном директоре» Дмитрие Николаевиче, которого авторы той же книги характеризуют с деловой стороны далеко не лучшим образом: «На основании фамильной переписки можно сделать вывод, что Дмитрий Николаевич был человек добрый, но слабохарактерный, временами вспыльчивый и упрямый. Его отношения с сестрами были дружескими и родственными, но упрямство брата часто их раздражало...»

Итак, после тщательного прочтения и некоторого анализа приведенных в книге писем у нас вырисовывается следующий образ, возможно, и не объективный, но все же более или менее конкретный: это симпатичный, очень похожий на деда сестер человек средних лет, находящийся почти все время рядом с главой клана Дмитрием Николаевичем и играющий в экономических делах Гончаровых важную роль. Можно назвать его бухгалтером, а можно и коммерческим директором. Он ведет совсем непростой образ жизни (дорогие верховые лошади, охота, московские новости и т.д.). Его племянники и племянницы (пусть и не официальные, а реальные) жили с ним в одной семье или очень близко, а когда уехали в Петербург к Пушкиным, то часто с ним переписывались, называя обычно по имени-отчеству

(иногда и господином), по-семейному подшучивая, одновременно отдавая должное его осведомленности (по-видимому, он немало времени проводил не только в Полотняном саду, но и в Москве), его рассказам («анекдотам»), что лишний раз говорит о его владении словом...

Знакомство с опубликованными письмами Гончаровых, однако, не дает практически никаких сведений о матери Мюнтеля и его семье. Мы можем здесь только делать более или менее вероятные предположения. Родив от Афанасия Николаевича «знаменитого отпрыска», как в шутку называют его племянники, она, видимо, не жила очень долго рядом с отцом своего ребенка, который не разъехался еще со своей законной женой. В 1808 г., когда он расстался с супругой, Августу было уже 20 лет, а матери его, видимо, порядка 40. В этом году «дед» уезжает за границу, проводит там почти четыре года и привозит оттуда, похоже, новую избранницу, уволив от управления фабриками и имениями сына: «Старик привез из-за границы любовницу-француженку, и ему нужно было бесконтрольно распоряжаться деньгами. Он требовал от семьи всяческих знаков внимания к своей любовнице. Атмосфера в доме сложилась нетерпимая, и Николай Афанасьевич уехал в Москву...» Жена его, мать сестер и братьев Гончаровых, в 1820-е гг. перебирается в Ярополец. А вот Август, можно думать, остался в Полотняном Заводе, при их деде, а своем отце. Про того в начале 1830-х Пушкин писал своему другу Нащокину: «Дедушка свинья... он выдает свою третью наложницу замуж с 10 000 тысячами приданого, а не может заплатить мне моих 12 000 и ничего своей внучке не дает».

Так что «дедушке-свинье» было тогда уже не до бывшей своей любовницы. Про нее мы пока достоверно и знаем только, что в 1830-е гг. она вместе с сыном проводит одно, по крайней мере, лето (1834?) в одном из имений Гончаровых – скромном Ильицыне недалеко от Зарайска тогда Рязанской губернии.

Там в 1828 г. гостила и Наташа, будущая Пушкина (писала тогда отсюда письмо дедушке Афанасию Николаевичу с большой благодарностью: «Любезный дедина! Я воспользуюсь сим случаем, дабы осведомиться о Вашем здоровье и поблагодарить Вас за

милость, которую Вы нам оказали, позволив нам провести лето в Ильицыне. Я очень жалею, любезный дедина, что не имею счастья провести с Вами несколько времени подобно Митеньки. Но в надежде скоро Вас увидеть, целую ваши ручки и остаюсь навсегда Ваша покорная внучка Наталья Гончарова. Ильицыно сего 17 июня 1828 года».

Ну а когда уже Август с матерью отдыхают в этой усадьбе, женщине, как можно легко вычислить, за 60 лет... Чтобы сориентироваться в датах, заметим, что законная жена Афанасия Николаевича Надежда Платоновна, с 1808 г. с ним не жившая, умерла в 1835 г. 70-лет. Ну и для исторического колорита стоит напомнить, что хоть и по другую сторону от Зарайска, но если напрямую, то всего в 21 км от Гончаровых и Мюнтелей то лето проводил в имении отца Даровое и юный Федор Достоевский.

Про жену и семью Августа известно не многим более, чем про мать. Г.В. Ровенский в своей книге дает, правда не очень четко, ссылку на один документ в фонде Гончаровых в РГАДА (опись 3, дело 3078) – письмо, по-видимому, 1869 г. некой В.Н. Мюнтеле (на литовский, похоже, лад) Ивану Николаевичу, единственному тогда оставшемуся в живых Гончарову. Это письмо необходимо обязательно найти и прочитать. Но пока не прочитали... Про потомство А.И. Мюнтеля мы тоже пока ничего не знаем. В московских и петербургских адресных справочниках следов потомства Августа Ивановича не обнаруживается.

Ну а теперь от Полотняного Завода, Яропольца, Ильицыно, Москвы и Каблуково вернемся в близкую и почти родную нашу Стромынь. И зададимся вопросом: какое отношение к этому месту имеет Мюнтель? Пока можно строить одни только предположения. Хоронить у приходского храма раньше было принято только прихожан, и уж по крайней мере живших в приходе. Приход Стромынского храма состоял из семи или восьми деревень, часть их была государственными, часть владельческими. Может, Мюнтель был управляющим у кого-то в имениях? А может, и сам стал помещиком? Но предположения делать можно, пожалуй, только в отношении Стояново, ну может быть, еще и Дубово, к ним употребляется слово

«сельцо», и в них, похоже, были и барские усадьбы. Мы знаем точно, кто был там хозяевами в 1812 году и в 1852-м, а в промежутках – не всегда или не всех...

Нет пока ответа на вопрос, не было ли среди ближайших помещиков родственников или знакомых Гончаровых? Может, и с Усачевым, долголетним гончаровским арендатором, у Мюнтеля были какие-то дела? У Д.Н. Гончарова с ним была долгая тяжба относительно бумажной фабрики на Полотняном Заводе. В Подмосковье И.Т. Усачев закрепился тоже: поставил на реке Воре, недалеко от Стромьинского тракта, свою собственную бумагоделательную фабрику...

Еще вариант – Стромьинская церковь построена была в 1821-1827 гг. «на средства прихожан». На средства простых прихожан никогда ничего значительного построено не было, находились, как правило, состоятельные люди, а иногда и государство помогало, что в данном случае вполне могло быть, ибо село принадлежало ведомству Госимуществ. Жертвователем или видным участником строительства и вполне мог быть наш Мюнтель? Необходимо исследовать документы, связанные с храмом, за эти годы – 1820-е, 1830-е, 1840-е... Да, много еще чего надо смотреть. «Прописку» Мюнтеля, что очень важно. Судя по всему, Мюнтель жил в 1830-е гг. или в Полотняном Заводе, с отцом его Афанасием Николаевичем до смерти последнего в 1832 г., или в Москве, где тоже, по всей видимости, у Гончаровых была какая-то контора, а еще раньше фабрика в Серебряниках. В 1830-е гг. Гончаровым принадлежало большое владение между Большой и Малой Никитскими. А где жил Мюнтель в последние годы жизни?

Ближайшие к Стромьине владения Гончаровых в Каблуково и Литвиново (от Каблуково до Стромьины, если напрямик, конечно, 15-16 км, по дорогам кружным, конечно, больше) нами уже упоминались. С большой вероятностью Мюнтель мог бывать в богородских имениях Гончаровых. Но, как мы уже знаем, имения эти были проданы в 1828 г. Может, по старым связям, он все же имел небольшую усадьбу близ Стромьины?

Итак, нам пока неясно, как попал Август Иванович в Стромьнь. Образовалось ли в ее окрестностях у него собственное имение, или был он управляющим (но крупных землевладений здесь не было). Или каким-то случайным, мистическим (но нет ничего у Бога случайного!) образом имел отношение к Успенскому храму, рядом с которым и завещал похоронить себя – и с этими вопросами надо разбираться... Но сейчас ясно одно: у стромьинской церкви лежит дядя Натальи Николаевны Гончаровой-Пушкиной, с которой у него были дружески-родственные отношения. И еще ясно, что связывает нас этот стоящий у храма скромный памятник не только с семейством Гончаровых, интересным и значительным в русской истории, но и с самим – Александром Сергеевичем Пушкиным! Ведь они и лично вполне могли быть знакомы (хоть наверняка не так близко), и по Москве, и по Полотняному Заводу, где Пушкин, как известно, бывал в 1830 и 1834 годах...

Об авторе:

Михаил Сергеевич Дроздов – краевед (Черноголовка).